

ПАВЕЛ ЗАЙЦЕВ

ЗАПИСКИ ПОЙМЕННОГО ЖИТЕЛЯ

Павел Зайцев

Записки пойменного жителя

Арт-Холдинг «Медиарост»

1990

Зайцев П. И.

Записки пойменного жителя / П. И. Зайцев — Арт-Холдинг
«Медиарост», 1990

ISBN 978-5-906070-02-9

«Записки пойменного жителя» Павла Зайцева (1919–1992) – уникальные художественные воспоминания о жизни и красоте Молого-Шекснинской поймы вплоть до её затопления коммунистическими хозяевами России.

ISBN 978-5-906070-02-9

© Зайцев П. И., 1990

© Арт-Холдинг «Медиарост», 1990

Содержание

Записки, не тускнеющие во времени	6
От автора	7
Часть 1	15
Приход весны и водополицы	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Павел Зайцев Записки пойменного жителя

Павел Зайцев в годы Великой Отечественной войны

Записки, не тускнеющие во времени

В один из моих приездов в Рыбинск – после эмиграции – в начале 90-х годов – уж не помню через кого попала мне в руки крупноформатная советская общая тетрадь в клетку, убористо исписанная крупным почерком коренного русского человека, – записки о Мологе Павла Ивановича Зайцева.

Избалованный литератор, отвыкший от рукописных текстов, я долго не мог приняться за её чтение. А ведь мы могли бы ещё повидаться: Зайцев скончался в 1992 году. Скоро 20 лет этой истории, а я всё жалею и сетую на свою суетность, разгильдяйство. Со сколькими мелкотравчатыми, не нужными мне людьми общаться приходилось по жизни, а настоящего человека, земляка и самобытного самородка вот упустил.

Недавно, просматривая свои дневники тех лет, наткнулся вдруг на такую запись от 25 февраля 1994 года: «Пишу предисловие к мологжанину Павлу Ивановичу Зайцеву (†92). Появятся в «Новом мире»? (Чувствую свою большую вину; рукопись превосходная – пролежала у меня два года. А он скончался)».

«Новым миром» заведовал тогда Сергей Залыгин. Он и дал зайцевскому фрагменту, опубликованному в журнале с моим предисловием, это замечательное название: «Записки пойменного жителя» («Новый мир», № 11, 1994). Под таким «грифом» они и будут существовать долго, всегда, в нашей очерковой литературе – силой слова, точностью изображения заставляющие вспомнить о Пришвине и Аксакове. В разговоре со мной высоко оценил тогда повествование Зайцева недавно вернувшийся из изгнания Александр Солженицын.

А Залыгин, помнится, несколько раз потом сетовал: почему опубликовал только отрывок, а не всю рукопись? Считал это большой журнальной промашкой. Более объёмно «Записки» Зайцева появились в «Нашем современнике» чуть позднее (и тоже с моей, но только сильно подправленной журнальными сталинистами преамбулой).

И всё-таки я продолжал себя считать перед мологжанами виноватым: не довёл дело до конца, не отредактировал рукопись Зайцева, не пробил её издание отдельной книгой. (Это вообще поразительно: судя по рукописи в общей тетради, Павел Иванович писал свою книгу набело, практически без серьезных черновиков. И – настолько мастерски! Но всё же, конечно, доработка была ей необходима: повторы, неловкие фразы требовали деликатного редакторского вмешательства).

Не оправдываю свою житейскую зашоренность, но ведь и то сказать: для кого мне было готовить книгу?

В столичных тусовочно-постмодернистских издательствах интереса бы она не вызвала. В Рыбинске же всем заправляли чиновники, к которым с культурным запросом, темой, мне появляться было бессмысленно.

Чудесным образом – и надолго ли? – рыбинские властные обстоятельства сегодня переменялись. Нашлись люди, профессионалы, способные оценить и издать «Записки пойменного жителя»...

Спасибо им. Пусть мологская Атлантида всплывёт со дна на этих страницах во всём своём первозданном великолепии.

Юрий Кублановский

9 мая 2010, Переделкино

От автора

Весной 1941 года, за два месяца до начала Великой Отечественной войны, в северо-западной части России на пространстве почти в пять тысяч квадратных километров произошла трагедия для живой природы.

В ту весну на Верхней Волге, в пойме между реками Мологой и Шексной, образовалось рукотворное водохранилище, окрещённое Рыбинским морем.

Поясню читателю понятие поймы. Оно означает низменные пространства земли у рек или озёр, временно затопляемые водой во время весенних либо осенних дождевых паводков. Так вот, весеннее таяние снега в русском северо-западе ежегодно наполняло водой притоки – Волги Мологу и Шексну – до такой степени, что обе эти реки не успевали уносить свои воды в Волгу и поэтому выходили из берегов, соединяясь вместе и образуя по всей низменности, где протекали, водную гладь. Поэтому Молого-Шекснинское междуречье и можно было назвать поймой.

Уникальной была земля, по которой текли эти две реки. Но вот то ли в конце двадцатых, то ли в начале тридцатых годов кому-то из тогдашних советских специалистов запала в башку, закралась идея утопить эту землю, захоронить её под водой навсегда, благо, сделать это было относительно просто.

И это – осуществили.

По своей величине рукотворное Рыбинское водохранилище действительно оказалось похожим на море – оно не имеет себе равных на всём Европейском континенте: простирается в длину больше чем на 120 километров, в ширину – больше чем на 50; в нём находится до 24 миллиардов кубометров воды...

Строительство Верхневолжского гидроузла у города Рыбинска явилось не только потерей огромного куска земли в пойме между реками Мологой и Шексной. Это строительство особо повлияло на постепенное умирание Волги на всём её протяжении.

Переборская шлюзовая плотина отрубил хвост Волги и почти полностью уничтожила её приток – в то время судоходную Мологу. Строительство же плотины для гидроэлектростанции в устье Шексны полностью поглотило образовавшимся водохранилищем второй приток Волги – тоже судоходную реку Шексну. Таким образом, с окончанием строительства Волга лишилась своего собственного истока и двух питающих её рек. В своём нижнем течении река начала мелеть, и это сразу худо сказалось на судоходстве.

Для ликвидации мелководья надо было что-то делать. И вот рождаются новые идеи. На этот раз еще более грандиозные: строить в нижних течениях Волги новые плотины для подпора воды. Казалось, что, претворяя эти идеи в жизнь, проектанты убивали, так сказать, одним выстрелом сразу двух зайцев: новые плотины позволяли, с одной стороны, ликвидировать мелководье реки, с другой – попутно решалась проблема энерговооружённости страны.

Тогда, при разработке этих пафосных планов, всё это казалось правильным. А что получилось на самом деле, на практике? Теперь всем, даже непросвещённым людям, стало понятно, сколь опрометчивы были эти планы, к какой трагедии привели. Теперь пришла великая горечь.

В нижних течениях Волги утоплены огромные пространства сельхозугодий, в хранилищах у плотин образовался застой гнилой воды, повысился уровень подпочвенных вод, произошло заболачивание земель. Это заранее спланированные издевательства над живой Матерью-природой, намеренное её уничтожение во всём волжском бассейне. Строительство же в тридцатые годы Рыбинского гидроузла на Верхней Волге явилось своеобразной «раковой опухолью» как для организма всей реки, так и для людей, живущих на её берегах. Именно отсюда пошли все беды Волги.

По моему глубокому убеждению, верхневолжское строительство явилось одним из ярких проявлений волюнтаризма правящей верхушки сталинского режима, а также и специалистов-гидростроителей. В их больных головах и возникла дикая идея: а почему бы, скажем, из Кубани отправиться в Москву не по железной дороге, а по воде, ведь это так просто осуществить: достаточно, перегородив Волгу плотиной, устроить водохранилище (благо, низина под него имелаась между впадающими в Волгу Мологой и Шексной), и пожалуйста: хоть сам отправляйся из Кубани до Москвы на теплоходе, хоть вози по воде любые грузы.

Главным мотивом «нужности» строительства Рыбинского гидроузла – гидростанции (которая, кстати говоря, оказалась немногочисленной даже по тому времени: всего 400 тысяч киловатт) считается осуществление «сталинского плана» – сделать Москву портом пяти морей: Балтийского, Белого, Каспийского, Чёрного и Азовского. За претворение этого плана в жизнь была назначена и сполна заплачена грандиозная цена: перелицовка всей центральной России.

В те кошмарные для народа 30-е годы правящая элита государства с маниакальной подозрительностью относилась к людям, абсолютно не считаясь ни с волей, ни с каким-либо правом, ни с самой жизнью простых смертных, а уж тем более – с местом их традиционного обитания, особенно в сельской местности. Под железную руку перековщиков русской жизни суждено было попасть огромному пространству земли с прелестями живой природы и населённым поймы между мощными притоками Верхней Волги: Мологой и Шексной.

И оно появилось – Рыбинское водохранилище, водоём-душегуб. Оно помечено на всех географических картах мира. Оно с самого начала своего возникновения погубило живую природу в самой Молого-Шекснинской пойме: множество разновидностей животного и растительного мира, характерного для русского северо-запада, а впоследствии, повторяем, пагубно отразилось на всем волжском русле.

Я ясно помню 30-е годы. Сколько было шума, безудержного ажиотажа вокруг гидростроительства на Верхней Волге!

Только вот сельские, деревенские, хуторские жители не сразу узнали о плане затопления родной земли, земли, на которой они веками безбедно жили. А узнав, пришли не то что бы в уныние, а в полное душевное расстройство. Они не знали, к кому обратиться за помощью, как отвоевать право жить на своей земле. Надеяться было не на кого, несмотря на то, что в то время сталинская пропаганда на все лады твердила о социалистической демократии.

И всё-таки не верилось, что такая богатая земля будет затоплена. Поуспокоившись, молого-шекснинские крестьяне продолжали привычную жизнь. Однако мысли роились в головах. И по ночам, лёжа в постелях, думали о том, что же с ними хотят сделать власть имущие, что ждёт народ впереди? Горькими были для них конечные 30-е годы.

Что требовалось для осуществления плана гидростроительства на Верхней Волге? Во-первых, для такой огромной по тому времени стройки нужна была техническая оснащённость. Во-вторых – сотни, тысячи рук: рабочая сила. Страна, с трудом поднимавшаяся тогда из руин, технической оснащённостью не располагала: гидростроительной, землеройной техники не было; даже автомобили-грузовики производились на штуки в день. Зато народу в стране, особенно в самой России, пусть ещё покуда и лапотной, было вполне достаточно. Поэтому проектанты и руководители строительства Верхневолжского гидроузла сделали главную ставку на принудительное привлечение мускульной силы. В их руках был строгий контроль над массами и их беспрекословное подчинение.

На человеческих костях построено гидросооружение на Верхней Волге у Рыбинска в те 30-е годы. Тысячи, десятки тысяч заключённых работали здесь. Немало было из их числа и тех, к чьим душам было припечатано клеймо *враг народа* или *кулак-мирод*.

«Врагов народа» тогдашние управители вместе с энкавэдэшниками и не без участия местных властей находили очень просто. И так же просто поставляли дешёвую рабочую силу на гигантские стройки страны. Делалось это так. Заранее намеченных граждан вызывали в

городское или районное НКВД и говорили: «Петров, у вас на заводе и, в частности, в вашем цехе есть враг народа. Мы пока не знаем – кто он. Вот тебе срок – пять дней. Найди врага. Не найдешь – посадим за укрывательство». Что оставалось делать Петрову в такой ситуации? Многие «Петровы» искали и «находили», другие – сами становились узниками.

Такие безнравственные руководящие указания и инструкции, исходящие от людей, посаженных в кресла кабинетов и олицетворяющих народовластие в стране, были нормой. Так формировалась и направлялась рабочая сила и на гидростройку на Верхней Волге. Подобное правило действовало тогда не только в городах, но и в сельской местности.

В то время было широко распространено слово *принудилровка*. Если простой смертный не выполнял каких-либо распоряжений местных властей, его зачастую даже не судили по закону, а просто посылали на принудительные работы сроком на год или больше.

Вот такое бесчеловечное время было в государстве под всевидящим оком мудрейшего из мудрейших, под руководством великого кормчего Сталина, которого подхалимы и угодники всех рангов и мастей с большим усердием прославляли во множестве стихов и песен, в живописных полотнах, во всех докладах и лекциях. Его приветствовали не только лозунгами во всех общественных местах, но даже хвалебными надписями на кривых деревянных заборах. А в это время ссыльные и заключённые в лагерях работали «под руководством великого Сталина» в бесчеловечных условиях.

Орудиями труда заключённых были тогда кирка, «лопата – милая подруга» и «тачка – вторая жена». С помощью этих примитивных приспособлений в тела Переборской и Шекснинской верхневолжских плотин длиной более пяти километров, а высотой местами более двадцати пяти метров были уложены миллионы кубометров земли, камней и бетона. Землю и камни доставляли к месту укладки по деревянным настилам на двуручных тачках с расстояния от места плотин до километра. Камни подвозили Бог весть откуда, ибо поблизости от места строительства их не было.

Огромный людской муравейник из тысяч заключённых в течение нескольких лет ежедневно кишел, двигался, как единый, заведённый злой рукой механизм.

Умерших от изнурительного труда хоронили, как павших животных, недалеко от стройки. Родственников о смерти не оповещали.

Стройка велась поблизости от Рыбинска, и многие горожане то сами, а то через детей и подростков передавали заключённым сухариков, дешёвых сладостей к чаю. Сострадание к судьбам невольников всегда исходило из людской души, как луч солнца сквозь тучи ненастья.

Кроме сооружения Волжского, Шекснинского шлюзовых каналов в Переборах и гидроэлектростанции в устье Шексны надо было подготовить под затопление водой территорию всей Молого-Шекснинской поймы. Чтобы сделать это, необходимо было снести около 700 сёл, деревенек и хуторов, в том числе и два уездных города – Мологу и Вёсьегонск. В этих населённых пунктах в общей сложности проживало тогда свыше 150 тысяч человек.

Мученические слёзы текли из глаз каждого – старого и малого жителя поймы. Люди не могли без сострадания смотреть на царивший разор. Они стонали при ломке своих домов, скотных дворов, бань, хлебных амбаров, сенных сараев... Шутка ли: сказать мужику-крестьянину – уходи с обжитого места, переселяйся на новое! Но сталинские холоуи в то время могли позволить себе такие «шутки» и умели безнаказанно шутить с безвластным простым народом, подвергать его страданиям и мукам.

Не один год, кто как мог, переселялись тогда мологошекснинцы с мест привычного обитания на новые места жительства. Сотни домохозяев перевозили свои сломанные постройки за многие версты от поймы – в Пошехоно-Володарский, Рыбинский, Мышкинский, Некоузский и Краснохолмский районы. На купленных специально на время перевозок конных подводах люди делали десятки рейсов туда и обратно, часто по-мужицки матюгаясь при неудачах в дорогах. Великое множество переселенческих семей валили свои сломанные постройки в Мологу

и Шексну, сплавивая брёвна в плоты и гоня их вниз по течению. Они селились по берегам Волги у городов Рыбинска, Тутаева, под Ярославлем. Так появились целые поселения мологосекснинцев по всей области. У Рыбинска, например, возникли большие посёлки Копаево и Веретье, деревни Макарово и другие; селились изгнанные на Скомороховой горе, на волжском левобережье. Под Ярославлем они нашли места в Норском, по обеим берегам Волги. Всех новых поселений мологосекснинцев не перечислишь.

Мужики, гнавшие плоты, сколоченные из своих построек, водой, на всю жизнь запомнили, как, причалив те плоты к берегам Волги, они надрывали пупки, выкатывая из воды бревна. Помнят, с каким трудом укладывали их на конные подводы, а потом вывозили в гору, постоянно подбадривая лошадей: «Нн-оо-о! Но, милая, давай, дорогуша, давай!» Помнят, как везли свои постройки до той точки на земле, которая была их новым местом жительства. Помнят, как месяцы подряд жили в походных условиях, как бабы-переселенки то под жарким солнцем, то под непогодью, прямо под открытым небом варили похлёбки и каши для мужиков и детей...

Словно гигантскую бомбу сбросили в сердце Молого-Шекснинского междуречья, и взрыв её безжалостно уничтожил животных, растения, поселения, а людей разметал по сторонам на многие десятки и сотни вёрст.

Конечно, сталинское государство проявляло «заботу» о переселенцах. Каждая семья получила так называемые подъёмные денежные средства. Но на те средства мужик мог построить на новом месте не больше как баню или курятник. Все расходы, связанные с переселением, молого-шекснинцам приходилось оплачивать наёмным подсобникам по большей части не деньгами, а натурой – зерном, мукой, маслом, мёдом, картошкой, овцами, даже коровами. Словом, кто чем мог... А сколько в связи с переселением пойменским крестьянам пришлось ликвидировать добротного скота и всякой домашней утвари! Никто этого не подсчитывал, никто об этом толком не знал – ни тогда, ни теперь. Страшное, великое переселение – трагедия страны, трагедия для мологжан и шекснинцев, слёзное прощание со своей землёй-матерью, на которой жили они сами и столетиями жили их предки. Прощание – *навсегда*.

Трагизм судьбы молого-шекснинцев усугубился вскоре новыми обстоятельствами. Пока они в тяжелейших условиях натужно работали, над ними нависла беда гораздо более страшная, чем переселение из поймы – началась Великая Отечественная война.

Не успев как следует отстроиться на новом месте, здоровые молого-шекснинские мужики-крепьши все до единого ушли в сорок первом защищать Россию от фашистов. И те мужики, в абсолютном своём большинстве, погибли на фронтах войны, оставив своим жёнам-вдовам, сыновьям, дочерям, внукам как великую память о себе переселенческие дома Молого-Шекснинской поймы. Многие тысячи тех домов стоят до сих пор.

... При подготовке Молого-Шекснинской поймы под будущее Рыбинское водохранилище вырубались сотни гектаров добротного леса, обезвреживались могильные захоронения, взрывались церкви, бывшие графские дома и усадьбы. Всё это делали заключённые: невольники были объединены в особые «предприятия» – «Волгострой» и «Волголаг». Волгостроевские лагерники строили также две земляные плотины и гидросооружения на них, а волголаговские заключённые готовили ложе будущего водохранилища. Руководил работами небезызвестный в то время инженер-гидростроитель Рапопорт¹, имевший личную связь со Сталиным и высшим руководством НКВД.

На территории Молого-Шекснинского междуречья росла знаменитая янская сосна. Называлась та сосна янской по имени села Яна, затерянного среди таёжной глухомани в северо-западной части поймы. Красивое было село – с добротными полями и домами, срубленными из той сосны. Петляющая по лесным чащам и травянистым полям речка Яна своей прозрачной, словно человеческая слеза, водой питала Мологу, в которой водилось множество всякой рыбы. Хорошо помню, как в 1937 году, зимой, я с отцом и ещё несколькими мужиками-колхозниками ездил на лошадях из своего Ножевского хутора пилить лес – выполнять так называемое «твёрдое задание» по лесозаготовкам, устанавливаемое для колхозников. С восхищением любовался тогда на золотистые стволы янских сосен, длиннющих, прямых, без сучков до самой маковки. От местных жителей не один раз слышал рассказы о том, что Пётр Первый посылал русских мужиков-лесорубов за той янской сосной. На судостроительных верфях царь приказывал делать корабельные мачты для русского военно-морского флота только из янской сосны. С постройкой Рыбинского гидроузла легендарная сосна канула в лету.

Под стать янской сосне в пойме росли и дубы. Толщина тех дубьев у корня нередко достигала даже больше двух мужицких ручных обхватов. По высоте деревья были местами немного ниже янских сосен. Росли они сплошными рощами, были гладкими, прямыми, как свечки, с раскидистыми сучьями на верхушках. Под теми дубьями каждый год, в сентябре-октябре,

¹ Рапопорт Яков Давыдович (1898–1962) – начальник строительства Рыбинской и Угличской ГЭС, генерал-майор. О нём см. в исследовании А.И. Солженицына «Архипелаг Гулаг». Том первый. 20 (Здесь и далее примечания редактора)

можно было насобирать множество мешков желудей, что и делали пойменские жители. Жёлуди запасали на зиму и кормили ими поросят, которые пожирали те жёлуди лучше, чем любую хлебную запарку. Дубовые рощи в междуречье давали хороший промысел тамошним мужикам. Из дубьев делали сани, повозки, гнули дуги для лошадиного транспорта, который был тогда единственным видом тягловой силы для всех русских деревень и сёл. Сделанные из молодого-шекснинского дуба конные пролётки и экипажи до революции нередко можно было увидеть на улицах, площадях, у парадных подъездов петербургских и московских господ. Из морёного междуреченского дуба умельцы-столяры вручную выделывали мебель, которая попадала в вельможные салоны Парижа, Лондона и Берлина. На многие сотни вёрст от поймы дубовые поделки считались лучшими среди многих русских губерний. За ними к молодого-шекснинцам ездили издалёка.

За три года до затопления поймы волголаговские заключённые спилили весь высоковыростный лес. Его увязали в огромные пучки с расчётом, что те пучки при затоплении поймы всплывут на поверхность, а после будут выловлены и пущены в дело – на хозяйственные нужды страны. Оно так и получилось. Но не совсем – вышла промашка с дубьями. Дубовая древесина из-за своей тяжести на поверхность воды не всплыла, а так и осталась лежать в связках на том месте, где и росла. И ныне, глубоко ушедшая в залившуюся почву, она покоится на дне Рыбинского водохранилища.

Сенокосные угодья междуречья были настолько богаты травой, что тамошние крестьяне в сенокосную страду ежегодно забивали сеном все обширные свои сараи, повети над скотными дворами и метали множество стогов прямо на лугах, где росла трава. Они умели метать стоги сена так, что никакой дождь их никогда не пробивал. Лишь сверху стоги бурели цветом, а внутри сено было сухое, шуршащее, светло-зелёное. Те стоги, не теряя качества, могли стоять нетронутыми даже по нескольку лет. В августе молодого-шекснинцы брали второй укос отличной травы. Сенное изобилие междуречья было так велико, что добротного травянистого корма с избытком хватало не только для скотины тамошних крестьян. Зимой междуреченцы запрягали лошадей в сани, подъезжали к своим стогам, раскрывали их и, навьючив большие возы сена, везли его на продажу на сенные рынки Мологи, Рыбинска, Тутаева, Красного Холма и даже в Ярославль, Вологду и Тверь. Много спрессованного в тюки молодого-шекснинского сена уходило по госпоставкам и закупкам для корма лошадей в армию. О бескормице для скота жители поймы и понятия не имели. В народе тогда бытовало изречение: «Напой коня мологской водой и дай ему шекснинского сена – тогда коню можно не давать овса». Какая богатая кормовая база для скотины была утоплена! Всё безжалостно загублено, всё навеки погребено!

Мало того, что Рыбинское море уничтожило природу и разбросало людей в разные стороны. Гидростроительство на Верхней Волге явилось основой для зарождения последующей, ещё более страшной трагедии для живой природы и миллионов людей, живущих в бассейне Волги. Это я подчёркиваю особо. И пусть никто не пытается такие мои суждения с любой научной колокольни опровергать – все опровержения будут пустопорожни.

И так ещё скажу. По воле судьбы где только мне не приходилось бывать! И во всей жизни своей – за период службы в армии, за время Великой Отечественной войны, а побывал я на многих фронтах, да и после этого времени, когда довелось мне и пешком пройти огромное пространство от Владивостока и за Берлин – повидал и узнал я многое. И наверняка знаю: ни в одной местности так буйно не росли сенокосные травы, разные ягоды и грибы, нигде в водоёмах не водилось такое множество рыбы, в лесах – всякой звериной живности, как в Молого-Шекснинской пойме, уничтоженной творцами Рыбинского моря. Это не преувеличение, не самовнушение моё, не сочинённая тоска по поре детства и возмужания на Молого-Шекснинской земле, а подлинная правда, объективная истина, передать которую мне захотелось людям, живущим на земле сейчас и всем будущим потомкам.

Проезжая на красивом теплоходе от Астрахани до Москвы и попадая в воды Рыбинского водохранилища, иной пассажир-турист, наверное, спрашивал себя или окружающих: а что же было раньше на месте этого искусственного новообразования, этой огромной массы воды? И наверняка никто толком на этот вопрос не отвечал. Потому что никто из живущих теперь об этом не знает, а кто знал, тот уже умер.

«Кто ты, человек?» – вот вопрос, который поставил перед человечеством великий немецкий философ XVIII века Кант. На кантовский вопрос никто из людей на Земле ещё не ответил. Максим Горький в своё время формулярно провозгласил: «Человек – это звучит гордо!» Я не приемлю эту формулу, в ней заложено право человека на безграничную свободу в его поступках и действиях, в ней предусматривается всеобъемлющая воля и эгоизм, которых в человеческом обществе быть не должно. В таких понятиях, по моему мнению, людей воспитывать нельзя. Это будет не человек, а хищник.

У читателя, вероятно, возникнет вопрос: откуда известно автору то, о чём он ведёт речь? Ведь общеизвестно: чтобы писать о чём-либо документальном, надо знать факты. Скажу откровенно – природа не наградила меня даром к сочинительству, и я ничего досель в литературном плане не написал. А вот то, что видел своими глазами, я, мологжанин, могу описать до мельчайших подробностей.

Мне не довелось закончить ни одного сколько-нибудь серьёзного учебного заведения. Писать по литературным правилам я не умею. Но на протяжении всей жизни я занимался самообразованием: интересовался гуманитароведением, научился рисовать. Естественноведческие науки меня не интересовали. Но зато рисунками я могу зафиксировать любые предметы и формы окружающего естественного мира. Только увиденное, видимое могу я отразить и в рисунке, и в письме. Мои суждения касаются только видимого, увиденного. Абстрактным, оторванным от действительности, а тем более технократическим мышлением я не обладаю. Считаю, что человеку это и не нужно. Ведь что теперь получается, к чему пришли люди, живя на матушке-земле? В XX веке они сконструировали для себя и для всей живой природы такие общетехнические жернова, которые (только нажми на кнопки) смогут перемолоть в пыль не только всё живое на Земле, но даже и саму Землю расколоть на мелкие куски. И такое положение сложилось вследствие развития у людей абстрактного, технократического мышления.

Давно задался целью рассказать людям о том, что было в утопленной водой Молого-Шекснинской пойме. Я решил сделать это не только потому, что образование Рыбинского водохранилища связано с моей биографией, а потому ещё, что это трагическое время – наша история, факты которой долго умалчивались.

Я родился в 1919 году в Брейтовской волости (ныне – район с одноимённым названием) Мологского уезда Ярославской губернии в семье крестьянина и жил на хуторе Ножевском – он когда-то стоял на самом берегу чистойшей, прозрачной Мологи. Прожил в том хуторе ровно двадцать лет. Работал в колхозе.

В 1939 году был призван в армию и увезён из родных мест на край света – аж во Владивосток. В конце 1941 года, уже с нового места жительства, из Норского, что под Ярославлем, отец написал мне во Владивосток: «Нашей родной земелюшки у реки Мологи уже нету, её всю затопили водой». Так я лишился своей малой родины.

В августе 1942 года, когда армада гитлеровских войск своей бронированной мощью приближалась к берегам Волги и главным остриём целилась на Сталинград, нашу воинскую часть в спешном порядке перебросили из Владивостока под Горький. В городе Павлове-на-Оке из солдат-дальневосточников за три месяца была сформирована мощная по тому времени 66-я механизированная бригада с танками, артиллерией, мотопехотой. Я попал в батальон 120-миллиметровых миномётов, где и прослужил до конца войны. Был рядовым, командиром орудия. В декабре нашу бригаду присоединили к 8-му механизированному корпусу, который вёл бои

под Сталинградом, сражался с армией Паулюса. Наш пятнадцатитысячный мехкорпус воевал под Сталинградом чуть больше месяца и, потеряв боеспособность, был по частям выведен из боёв для переформирования.

Уцелевших привезли под Москву, в Загорск, пополнили мех-корпус людьми и техникой.

В минбате 66-й мехбригады мне пришлось воевать с немцами на многих фронтах и в разных городах: под Кировоградом, Минском, на Украине; мы освобождали от немцев Польшу, вели бои за Данциг, брали в Восточной Пруссии её столицу – Кёнигсберг и ряд городов северной Германии. Третьего мая 1945 года с боями дошли до немецкого города Нойштрелиц, что в ста двадцати километрах к северо-западу от Берлина, и там, встретившись с американскими войсками, бои свои прекратили. Война для меня окончилась.

Я благодарен судьбе за то, что во время войны остался жив. Меня ранили один только раз, да и то не тяжело. Жаль только своих друзей-товарищей по совместной адской работе на войне, которые погибли на поле брани.

Без какого-либо перерыва, без выходных и отпусков мне пришлось отслужить в армии и отработать на фронтах войны больше семи лет. В июне 1946 года я демобилизовался из армии в звании старшины, домой привёз три ордена и три медали. После к фронтовым прибавилось ещё девять правительственных наград.

После демобилизации я приехал к своим родственникам – переселенцам из Молого-Шекснинской поймы – в Рыбинск. Поступил на моторостроительный завод в качестве слесаря-сборщика реактивных авиационных двигателей. 33 года отработал на одном месте. В бесчестии и недобропорядочности меня никто упрекнуть не может.

Часть 1

Былая жизнь дикой природы поймы

Приход весны и водополицы

Широко и торжественно приходила весна в Молого-Шекснинскую пойму. Как и повсюду на северо-западе России, предвестниками её были грачи. С середины марта, когда солнце начало улыбчивее греть северные земли, птицы большими стаями летали над сонными дорогами, садились на них, галдели и разгребали конский помёт, отчего дороги становились тёмно-бурыми. Покормившись таким образом перепрелыми зёрнами овса, прошедшего через лошадиные утробы, грачи под ветер улетали в лес и там, нахохлившись, коротали ещё длинные и морозные мартовские ночи. Любимыми местами гнездования грачей были высокие берёзы и осины, росшие поблизости от крестьянских строений.

Ещё высоко от земли скользили лучи мартовского солнца. Но днём они изрядно обогревали крыши домов, припекали бугорки пойменных полей. За околицами деревень, на лугах и полях появлялись проталины. Снег на буграх таял быстро. День ото дня проталины росли, темнея освобождённой от снега землёй. На них появлялись жаворонки, которых в пойме было великое множество. Едва оторвавшись от земли и часто размахивая крыльями, они начинали залиvistую песню, поднимаясь под свой аккомпанемент в зенит весеннего неба. Там, в вышине, утолив свою песенную жажду, жаворонки камнем устремлялись вниз и снова садились на облюбованное место, чтобы, отдохнув, повторить всё сначала.

Барашки облаков плавали в весеннем небе и уже собирались в кучки, светясь кристальной белизной. Они уплывали вдаль, к горизонту и, словно айсберги холодного моря, показывали оттуда свои причудливые шапки. Воздух над землёй поймы звенел такой чистотой и был так прозрачен, что ввысь и вширь было видно далеко: устреми взгляд к горизонту и увидишь всё на много вёрст вперёд.

В ясные и тихие дни в воздушном мареве не было видно ни клубка дыма, ни пылинки, ни полосатого следа от пролетевшей стальной птицы. Одна лишь радость прихода весны с каждым днём всё сильнее звучала во множестве птичьих песен. С юга на север тянули клинья гуси и журавли. Кры, кры, гук, гук – часто неслоь днём от журавлиных и гусяных цепочек. Много тысячелетий подряд гуси и журавли каждую весну делали остановки на лугах поймы, по несколько майских дней они кормились пряминой травой, отдыхали после дальней дороги с юга, а подкормившись и накопив сил, снова поднимались в небо и летели дальше, на север.

Возвращались на насиженные места жители местного птичьего царства. Прилетев на родную землю поймы, птицы радовались концу дальней дороги. Белобокие чибисы низко летали над лугами и пашнями, выбирая себе места для гнездований. Плутовки кукушки, громко перекликаясь между собой в чашобах леса, лукаво подсматривали, кому бы из глупых птичек подложить в гнездо своё яйцо. На ветвях деревьев у крестьянских строений возле мальчишеских дуплянок парами усаживались скворцы. Они прилетали из леса рано, когда чуть занималась заря, бойко щёлкали, распускали по сторонам крылья, радуясь приходу весны. В утренние и вечерние зори над поймой повсюду летали утки. Частенько они так низко пролетали над деревенскими крышами, что едва не задевали крыльями печные трубы.

Пробудившись от зимней спячки, земля жадно впитывала сырость тающего снега, весенняя влага поила её вдоволь. Освободившись от оков мерзлоты и досыта напившись вешними водами, земля в низинах, не в силах больше принимать влагу, не зная, куда её девать, держала воду в своих земляных ладонях. Сначала вода скапливалась в маленьких ямках-бороздках,

потом подбиралась к ложбинкам низин и, заполнив их, прорывалась к глубоким оврагам, а из них уже валом валила к ручьям и речкам. Две главные реки поймы – Молога и Шексна – принимали великий груз работы весны и стремительно уносили его в широкую и раздольную Волгу. Гигантская река России и мира охотно принимала внешние воды не только от своих северных притоков, но и от многих других полноводных рек, входящих в неё с разных сторон, и уносила влитые в неё воды в Каспий.

Молога и Шексна благодаря усиленной работе солнца переполнялись, не могли вместить всю влагу тающего снега; реки-сестры не справлялись с напором весеннего груза. Десятки речушек, сотни ручьев в пору весеннего таяния впадали в них и за несколько суток переполняли их водой настолько, что даже быстрое течение не успевало уносить избыток воды в Волгу. И тогда Молога и Шексна разом выходили из берегов. Наступал разлив. Реки затопляли окрестные луга, поля, леса и деревни. Так было из века в век. То была неукротимая, но умно спланированная свыше стихия природы, дающая жизнь всему живому на огромном пространстве. Человек давно это понял и не побоялся поселиться в самом центре стихии. Когда, в каком веке это было? Трудно ответить, никто не знает.

Незабываемым зрелищем было весеннее половодье в Молого-Шекснинской пойме! Воды, переполнившие Мологу и Шексну, соединялись в огромное озеро-море, которое стояло порой больше недели. Казалось, половодье таило в себе опасность. Но нет, ничего страшного не случалось. Всё живое во время пойменного регулярного половодья обязательно спасалось, люди и животные привыкли к нему. Жители междуреченских деревень во время большой водополицы ездили от дома к дому, от двора до сарая на лодках. Лошади и коровы, овцы и свиньи, кошки и собаки, курицы и гуси – всё домашнее животное и птичье царство загонялось на специальные плоты-лабазы и на повети над скотными дворами. Для мелкой скотины: овец, телят, поросят – на поветях делались бревенчатые помосты, куда их и загоняли. Для лошадей и коров устраивали плоты из многих толстых брёвен с загородками по краям.

Вот и жителям деревни Новинка-Скородумово, в которой я родился, и стоящей рядом с ней деревни Видино водополица была не страшна. Возле них находились «татарский» и «русский» холмы-болоны. На них до наступления водополицы стогнали скотину. О «татарском» и «русском» земляных холмах я скажу позднее. То были загадочные холмы.

В редкий год во время водополицы дули ветры. Тишину парного воздуха над затопленными полями, лесами и крышами домов нарушало лишь бульканье бесчисленных пузырей, образующихся от проникновения воды в землю. Буль, буль, буль – слышалось в безбрежном водном пространстве, отражающем все краски неба. В деревьях, у утопленных в воду изб и на огородах, в полях и в лесных чащах – над всем разлившимся простором днём и ночью, утром и вечером слышался этот характерный пузыристый звук земли, перенасыщенной влагой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.